Варкрафт. Дуротан

Автор:
Кристи Голден

Варкрафт. Дуротан

Кристи Голден

Их клич – «Сила и честь!». Их друзья и спутники – свирепые северные волки. Они – орки. Могучие, гордые, независимые. Яростные воины. Умелые охотники. Страшные враги. Истинные дети сурового Дренора – мира, безжалостного к слабым. Мира, который медленно умирает, и ему невозможно помочь.

Но таинственный зеленокожий колдун Гул’дан, орк без клана, утверждает, что знает выход. Благодаря неведомым силам, подвластным ему, он готов провести всех желающих за границы Дренора, в прекрасный, новый мир. Изобильный. Щедрый. Слабый. Мир, готовый спелым плодом упасть в протянутую руку. Взамен Гул’дан просит немногого: отказаться от освященных веками традиций вольных кланов и покровительства духов этой земли. Перестать быть просто орками, но стать частью непобедимой Орды.

Теперь перед Дуротаном, сыном и наследником погибшего вождя клана Северного Волка, стоит нелегкий выбор: предать все, что было свято для многих поколений его предков, или обречь свой народ на лишения и гибель.

Узнай первым предысторию самого ожидаемого блокбастера 2016 года от Legendary Pictures и Universal Pictures, основанного на глобальном феномене компании Blizzard Entertainment, имя которому – ВАРКРАФТ! Читай книгу – смотри фильм!

Кристи Голден

Варкрафт. Дуротан

Christie Golden

WARCRAFT: DUROTAN

The Official Prequel Novel

Copyright © 2016 Legendary

© Н. Х. Ибрагимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Эта книга посвящается Крису Метцену, моему собрату по работе в компании «Близзард», который еще в 2000 году первым доверил мне Дуротана и дал возможность создать Драку. Этим он поистине оказал мне честь, которую я и представить себе тогда не могла, и дал возможность в течение пятнадцати лет возвращаться к этим героям и знакомить с ними все новую аудиторию.

Пролог

От ярко-красных пятен крови на снегу поднимался пар, и Дуротан, сын Гарада, сына Дуркоша, издал торжествующий крик. Это была его первая охота – он впервые метнул копье в живое существо с целью его убить – и пятна крови свидетельствовали о том, что копье попало в цель. Ожидая похвалы, Дуротан повернулся к отцу. Узкая грудная клетка юного орка раздувалась от гордости, но выражение на лице вождя клана Северного Волка озадачило его.

Гарад покачал головой. Его длинные блестящие черные волосы свободно падали на широкие могучие плечи. Он сидел верхом на огромном белом волке по кличке Лед, и маленькие черные глазки смотрели мрачно, когда он заговорил.

– Ты не попал ему в сердце, Дуротан. Северные Волки бьют в цель с первого раза.

От разочарования и стыда горячая кровь прилила к лицу юноши.

– Мне… мне жаль, что я подвел тебя, отец, – произнес он, стараясь выпрямиться во весь рост на своем волке, Острозубе.

Управляя Льдом при помощи коленей и рук, держащихся за холку волка, Гарад подъехал к Острозубу, встал рядом с ним и посмотрел на сына.

– Ты не смог убить с первого удара, – сказал он. – Ты подвел не меня.

Дуротан бросил на отца неуверенный взгляд.

– Моя задача – обучить тебя, Дуротан, – продолжал Гарад. – Когда-нибудь ты станешь вождем, если на то будет воля Духов, и я не позволю тебе напрасно оскорблять их.

Гарад махнул рукой в том направлении, куда вел кровавый след.

– Слезай, пойдем со мной, и я объясню. Дрек’Тар, вы с Мудроухом следуйте за нами. Остальные пусть ждут, пока я их позову.

Дуротан все еще испытывал стыд, но одновременно был озадачен и заинтересован. Он подчинился отцу, не задавая вопросов. Молодой орк соскользнул со спины Острозуба и погладил громадного волка. Никто не знал, приручил ли клан северных волков в качестве верховых животных из-за их белого цвета, или это клан стал называть себя так из-за их белого меха; ответ на это вопрос затерялся в прошлом. Острозуб фыркнул и лизнул своего юного хозяина в лицо.

Дрек’Тар был старейшим шаманом клана Северного Волка, этот орк поддерживал тесную связь с Духами Земли, Воздуха, Огня, Воды и Жизни. Северные Волки верили, что Духи живут далеко на севере, на Краю Мира, в Обители Духов. Дрек’Тар был старше Дуротана, но еще не совсем стар; шаман потерял зрение в бою за много лет до рождения юного орка. Верховой волк напавшего на них клана мощными челюстями задел лицо шамана. Волк попал в цель лишь отчасти, но ущерб оказался значительным: один глаз был полностью утачен, а второй ослеп вскоре после этого. Дуротан до сих пор мог разглядеть тонкие бледные извилистые шрамы, тянущиеся из-под повязки, которую всегда носил Дрек’Тар, чтобы скрыть невидящие глаза.

Но если Дрек’Тар что-то и потерял, он одновременно кое-что приобрел. Вскоре после потери зрения у него развились необыкновенные способности чувствовать, возмещающие отсутствие глаз, он ощущал присутствие Духов с такой остротой, которая была недоступна более молодому шаману, его ученику. Время от времени Духи даже посылали ему видения из своей обители на Краю Мира, на самом крайнем севере.

Дрек’Тар не был беспомощным – пока шаман мог сесть на Мудроуха, своего любимого и хорошо обученного волка, он мог ездить на нем туда же, куда и любой другой орк.

Отец, сын и шаман пробирались по глубокому снегу вдоль кровавого следа. Дуротан родился во время снежной бури, что считалось благоприятным предзнаменованием для дальнейшей жизни члена клана Северного Волка. Его домом был Хребет Ледяного Огня. Когда снег нехотя отступал под солнцем летних месяцев, он просто пережидал время перед неизбежным возвращением. Никто не знал, как долго эти негостеприимные места служили домом орочьему клану Северного Волка; они жили здесь с незапамятных времен. «Всегда», – просто ответил один из стариков Дуротану, когда он достаточно повзрослел, чтобы задать этот вопрос.

Приближалась ночь, и становилось все холоднее. Плотные теплые сапоги Дуротана из шкуры копытня почти насквозь промокли, и его ноги начали неметь. Поднялся ветер, будто кинжалом пронзавший толстую меховую накидку. Дуротан дрожал, упорно шагая вперед, и ждал, когда заговорит отец. Кровь на снегу перестала исходить паром и начала замерзать.

Алый след вел через продуваемое ветром заснеженное пространство к серо-зеленой полоске деревьев у подножия Горы-Предка, самой высокой вершины горной цепи, тянущейся на сотни миль на юг. Гора-Предок, как гласили священные свитки, была хранителем клана, она вытянула свои каменные руки, чтобы создать защитную преграду между Хребтом Ледяного Огня и южными землями. Запах чистого снега и аромат сосен щекотал ноздри Дуротана. Вокруг царило безмолвие.

– Мало приятного, да? Эта долгая прогулка по снегу, – в конце концов произнес Гарад.

Дуротан не знал, каким должен быть правильный ответ.

– Северный Волк не жалуется.

– Да, не жалуется. Но… все равно это неприятно. – Гарад улыбнулся, глядя сверху вниз на сына, губы его изогнулись, обнажив клыки. Дуротан невольно улыбнулся в ответ и слегка кивнул, чуть расслабившись.

Гарад протянул руку и потрогал накидку сына, пощупав мех.

– Копытень. Сильное создание. Дух Жизни подарил ему густой мех, толстую шкуру, много слоев подкожного жира, чтобы он мог выжить в этом краю. Но когда копытень ранен, он движется слишком медленно и не сохраняет тепло. Он отстает от стада, поэтому стадо не может его согреть. Холод сковывает его.

Гарад указал на следы; Дуротан видел, что животное спотыкалось на ходу.

– Он растерян. Страдает от боли. Испуган. Он всего лишь животное, Дуротан. Он не заслуживает таких страданий. – Лицо Гарада стало жестким. – Орки некоторых кланов отличаются жестокостью. Им нравится мучить и истязать свою добычу… и своих врагов. Северные Волки не получают удовольствия от страданий. Даже от страданий своих врагов и, конечно, от страданий простых животных, которые служат нам пищей.

Дуротан почувствовал, что его щекам стало горячо от нового прилива стыда. На этот раз не от стыда за себя, не из-за того, что он плохо прицелился, а потому,

что эта мысль не приходила ему в голову. То, что он нанес неудачный удар, было серьезной ошибкой, но не потому, что он показал себя не лучшим охотником. Это было плохо потому, что доставило ненужные страдания животному.

– Я… понимаю, – сказал он. – Мне очень жаль.

– Не передо мной надо извиняться, – ответил Гарад. – Это не я страдаю.

Теперь появились более свежие кровавые пятна, большие алые лужицы в ямах, оставленных неровными шагами копытня. Они вели вперед, мимо нескольких одиноких сосен, вокруг груды валунов, присыпанных снегом.

И там они его нашли.

Дуротан ранил теленка. Сначала зверь показался огромным юному орку, охваченному первым настоящим приступ кровожадности, но сейчас Дуротан видел, что животное еще не вполне взрослое. Тем не менее теленок был размером с трех орков, его толстую шкуру покрывала лохматая шерсть. Дыхание вырывалось из его пасти быстрыми белыми облачками пара, а язык вывалился из-за тупых желтых зубов. Маленькие, запавшие глазки открылись, когда зверь уловил их запах. Он пытался подняться, но только взбил вокруг себя красный от крови, мокрый снег, а неудачно брошенное копье Дуротана вонзилось еще глубже. От мучительных, но одновременно полных вызова стонов животного у Дуротана все внутри сжалось.

Юный орк знал, что надо делать. Отец подготовил его к этой охоте, описав внутренние органы копытня и расказав, как лучше всего прикончить животное. Дуротан не колебался. Он подбежал к теленку так быстро, как только позволил снег, ухватился за копье, рывком выдернул его и вонзил точно в сердце животного, всем своим весом навалившись на древко.

Копытень содрогнулся, умирая, и обмяк неподвижной грудой. Его горячая кровь пропитывала шкуру и снег. Гарад держался позади, и теперь к нему присоединился Дрек’Тар. Шаман склонил голову к плечу, прислушиваясь, а Гарад в ожидании смотрел на Дуротана.

Дуротан взглянул на них, потом снова на животное, которое только что убил. Затем он заглянул в свое сердце, как всегда учил его отец, и присел на корточки

в окровавленный снег рядом с животным. Стащил меховую рукавицу и прикоснулся к боку теленка. Он был еще теплым.

Орк ощущал неловкость, произнося эти слова, и надеялся, что они правильные.

– Дух копытня, я, Дуротан, сын Гарада, сына Дуркоша, благодарю тебя за отданную нам жизнь. Твоя плоть поможет моему народу пережить эту зиму. Твоя шкура и мех согреет нас. Мы… я благодарен тебе.

Он умолк и с трудом сглотнул.

– Прости меня за то, что твои последние мгновения были полны боли и страха. В следующий раз я нанесу лучший удар. Я сделаю это так, как учил меня отец – прямо в цель. – Произнося это, он заново ощутил и оценил спасительную тяжесть накидки на своей спине, ощутил сапоги на ногах. Поднял глаза на отца и Дрек’Тара. Они одобрительно кивнули.

– Северный Волк – умелый охотник и могучий воин, – сказал Гарад. – Но он никогда не бывает жестоким ради развлечения.

– Я – Северный Волк, – с гордостью произнес Дуротан.

Гарад улыбнулся и положил ладонь на плечо сына.

– Да, – согласился он. – Ты – Северный Волк.

1

Вопли охотящихся орков прорезали застывший морозный воздух. Дуротан уже участвовал в битвах с другими кланами, но очень немногие враги осмеливались бросить вызов Северным Волкам здесь, на их северной родине. Их кровожадность и жажда одержать почетную победу гасли, так же как сейчас, стоило им заслышать завывания и победные песни всадников-орков, загоняющих могучую жертву, которая обратилась в бегство под их натиском.

Земля дрожала от грохота копыт стада копытней, мохнатых и худых на исходе зимы, которая, казалось, никогда не выпустит из своей хватки эту землю. Северные Волки с ликованием гнали их вперед – орки ликовали, найдя наконец мясо, и это придавало им свежие силы после двухдневного выслеживания стада.

Отряд возглавлял Гарад. Его черные волосы уже прорезали серебряные пряди, но тело все еще оставалось сильным, а спина прямой. Рядом с ним, справа, скакала мать Дуротана, Гейя. Она была стройнее своего мужа, но движения ее не уступали ему в быстроте, а удары были столь же смертоносными. Гарад не все время руководил, он часто отходил назад, чтобы позволить Дуротану взять на себя ведущую роль, но юный орк никогда не ощущал себя таким полным жизни, как в те моменты, когда охотился по левую руку от отца.

Наконец, слева от Дуротана скакал Оргрим – Молот Рока, лучший друг Дуротана. Они дружили с тех пор, как научились ходить; юные орки часто устраивали всевозможные соревнования и поединки, которые всегда заканчивались не ссорой, а смехом. Мать Оргрима утверждала, что ее маленькому воину так не терпелось начать сражаться, что он ударом головы отбросил руку повитухи, когда явился в этот мир, и Духи отметили его синяком в виде красноватого пятна на коричневой коже головы. Оргриму нравилась эта история, и поэтому он всегда брил макушку, даже зимой, что большинство Северных Волков считало глупым. Эти четверо часто ездили таким строем, и ощущали каждое движение друг друга так же хорошо, как биение собственных сердец.

Во время погони за копытнями Дуротан бросил взгляд на Гарада. Его отец ухмыльнулся и кивнул. Клан голодал уже некоторое время; сегодня ночью они устроят пир. Гейя, сжимая длинными ногами бока своего волка, натянула тетиву лука и ждала сигнала мужа.

Гарад поднял свое копье, Удар Грома, покрытое резными рунами и украшенное кожаными полосками и зарубками двух разных видов. Горизонтальная черта означала жизнь животного, вертикальная – орка. Удар Грома был усеян как вертикальными, так и горизонтальными отметинами, но вертикальных было немало. Каждая зарубка появлялась, как было известно Дуротану, когда враг хорошо сражался и умер легко. Таков был обычай Северных Волков.

Вождь орков прицелился копьем в одного из копытней. Слова было трудно расслышать за громким топотом, поэтому Гарад оглядел других Северных Волков, поднявших свое оружие и выбравших намеченную цель.

Стадо на бегу сбилось в плотную толпу, и это обещало сохранение жизни тем, кто оказался в центре, если только они не споткнутся. Выбранная в качестве мишени самка слегка оторвалась от группы. Ее живот не был раздут плодом; ни один Северный Волк не стал бы убивать беременную самку копытня, ведь их число уменьшалось с каждой все более суровой зимой. Также не стали бы охотники убивать больше, чем могут унести с собой в селение у Хребта Ледяного Огня или скормить своим ездовым волкам в благодарность за их помощь в охоте.

– Пускай дикие волки сами добывают себе ужин, – однажды сказал Гарад, почесывая Льда за ушами. – Мы, Северные Волки, позаботимся о своих друзьях.

Так было не всегда. Гарад рассказывал Дуротану, что в его молодости клан жертвовал по крайней мере одно, а иногда и несколько животных на подношение Духам в знак благодарности. Животные оставались лежать там, где упали, становясь добычей диких зверей и хищных ворон. Такая напрасная трата мяса нечасто случалась во времена Дуротана – пища была слишком драгоценной для подобной расточительности.

Гарад подался вперед. Лед знал, что это команда к атаке, он нагнул голову и прыгнул.

– Поспеши! – этот шутливый приказ отдал Оргрим, чей волк, Кусака, пронесся мимо Дуротана подобно стреле, выпущенной из лука. Дуротан что-то съязвил в адрес друга, и Острозуб, которому тоже хотелось есть, прыгнул вперед.

Волна волков и всадников захлестнула несчастную самку. Если бы она была хоть на несколько шагов ближе к стаду, другие звери могли бы защитить ее, но хотя она жалобно замычала, стадо лишь понеслось быстрее. Вожак стада бросил ее, он слишком стремился увести остальных подальше от наводящих ужас орков, чтобы больше никто из стада не погиб. Копытни не были тупыми, и самка очень быстро поняла, что эту схватку она должна выиграть – или проиграть – своими силами.

Она резко развернулась с быстротой, удивительной для ее огромных размеров, и повернулась к своим будущим убийцам. Копытни часто становятся добычей разных хищников, но это не означает, что они не обладают личностью или что они не опасны. Самка, стоявшая перед охотниками, всхрапывала и рыла снег раздвоенными копытами – она была бойцом, как и они сами, и явно

намеревалась забрать с собой немало орков и волков.

Дуротан улыбнулся. Вот это достойная добыча! Нет чести в охоте на зверей, которые не сопротивляются и не сражаются – таких убивают лишь по необходимости. Он был рад мужественному выбору самки копытня. Остальные охотники также увидели брошенный ею вызов, и в их воплях послышался восторг. Самка фыркнула, опустила голову, увенчанную массивными острыми рогами, и бросилась прямо на Гарада.

Вождь орков и его волк действовали, как единое целое: волк отпрыгнул назад ровно настолько, чтобы Гарад смог бросить Удар Грома. Копье вонзилось огромному животному в бок. Лед сгруппировался для атаки. Когда он и другие белые волки ринулись к горлу копытня, Гарад, Дуротан, Оргрим, Гейя и остальные охотники стали бросать в животное копья и пускать стрелы, издавая воинственные вопли.

Схватка животного с яростной толпой орков сопровождалась какофонией рычания, стонов и воинственных воплей. Волки наскакивали и отбегали, вонзая зубы и вырывая куски мяса, а их наездники старались подобраться ближе, чтобы нанести удар. Воспоминание о первой охоте промелькнуло в голове у Дуротана, как всегда было в такие моменты. Он пробился к переднему краю схватки. Со времени той давней охоты, когда он шел по кровавому следу, Дуротан стремился быть тем, кто нанесет смертельный удар. Тем, кто прекратит мучения. Не важно, заметят ли в горячке сражения другие, что это он убил животное. Имело значение только то, что именно он нанес удар.

Дуротан прокладывал путь, огибая мечущиеся белые фигуры волков и одетых в мех соплеменников, пока у него чуть не закружилась голова от запаха крови и шкуры животного. Внезапно он увидел просвет. Дуротан погрузился в себя, крепко сжимая копье и сосредоточившись на одной цели. Для него существовало сейчас только одно место позади левой передней ноги самки. Копытни были крупными животными, и их сердце тоже отличалось немалыми размерами.

Его копье попало в цель, и огромное животное содрогнулось. На шкуре показалась алая кровь. Дуротан нанес чистый и правильный удар – хотя самка копытня еще несколько мгновений боролась за жизнь, в конце концов она рухнула замертво.

От громкого крика у Дуротана зазвенело в ушах. Он улыбнулся, тяжело дыша. Сегодня ночью у его клана будет еда.

Они всегда брали больше охотников, чем нужно, чтобы завалить зверя. Удовольствие от охоты заключалось в выслеживании, схватке и убийстве, но необходимо также много рук, чтобы разделать зверя и подготовить его к доставке в селение. В этом принимали участие все, от вождя до самого молодого охотника. В какой-то момент Дуротан, вместе со всеми рубивший тушу, выпрямился, чтобы размять окровавленные по локоть руки. Его взгляд поймал какое-то движение, и он нахмурился, вглядываясь вдаль.

– Отец! – воскликнул он. – Всадник!

Услышав это слово, все бросили свое занятие и встревоженно переглянулись, но благоразумно молчали. Всадники никогда не догоняли отряд охотников, так как это могло вспугнуть добычу, – кроме случаев, когда отряд отсутствовал слишком долго и о нем начинали беспокоиться. Одиночного всадника посылали только в том случае, если Гарада внезапно требовалось вернуть в селение, а это означало плохие новости.

Гарад молча посмотрел на Гейю, затем поднялся, чтобы встретить всадника. Кург’нал, старый, седой орк, соскочил со своего волка и приветствовал вождя, ударив большой рукой по своей широкой грудной клетке.

Гонец не стал тратить слов зря.

– Великий вождь, приехал какой-то орк под флагом переговоров и желает видеть тебя.

Гарад нахмурил брови.

– Переговоров? – это слово показалось ему странным, и в его голосе слышалась растерянность.

– Что такое «переговоры»? – Оргрим был одним из самых могучих орков в клане, но умел двигаться совершенно бесшумно, когда хотел. Дуротан, увлеченный разговором, даже не заметил, как друг подошел к нему.

– Переговоры означают… – Дуротан подыскивал слова. Для орка они звучали так странно. – Этот чужак приехал только поговорить. Он приехал с миром.

– Что? – Оргрим выглядел почти комично, его клыкастая челюсть слегка отвисла. – Это, должно быть, какой-то подвох. Орки не ведут переговоров.

Дуротан не ответил. Он смотрел, как Гейя подошла к мужу и тихо что-то говорила ему. Как и Дрек’Тар, Гейя была шаманом, и у нее были свои, особые задачи. Она была Хранительницей закона, хранила свитки, передаваемые от поколения к поколению, и заботилась о том, чтобы древние традиции и обряды Северных Волков не были утрачены. Если кто-то и понимал, как должным образом ответить орку, приехавшему под знаменем переговоров, то именно она.

Гарад повернулся к молчащим оркам, терпеливо ожидающим его реакции.

– Орк по имени Гул’дан приехал поговорить, – сообщил он им. – Он возрождает древний ритуал переговоров, и это означает, что он наш… наш гость. Мы примем его с почетом и уважением. Если он голоден, мы накормим его самой лучшей едой. Если он продрог, он может получить самую теплую из наших накидок. Я выслушаю то, с чем он приехал к нам, и буду вести себя в полном соответствии с нашими традициями.

– А если он не ответит тем же? – спросил один из орков.

– Что, если он проявит неуважение к клану Северных Волков? – выкрикнул другой.

Гарад взглянул на Гейю, и та ответила:

– Тогда позор падет на его голову. Духи не будут к нему благосклонны за то, что он нарушил ту самую традицию, которую пытается возродить. Бесчестие падет на него, не на нас. Мы – Северные Волки, – заключила она, повысив голос, в котором звучала убежденность. В ответ раздались одобрительные крики.

Кург’нал все еще выглядел смущенным. Он подергал себя за бороду и что-то прошептал вождю. Дуротан и Оргрим стояли близко и уловили тихо сказанные слова.

– Мой вождь, – сказал Кург’нал, – это еще не все.

– Говори, – велел Гарад.

– Этот Гул’дан… он приехал вместе с рабыней.

Дуротан замер от отвращения, мгновенно охватившего его. Некоторые кланы порабощали других, он это знал. Орки иногда сражались между собой. Он сам участвовал в подобных битвах, когда другие кланы вторгались на территорию Хребта Ледяного Огня и охотились на животных, служивших пищей Северным Волкам. Северные Волки храбро сражались до конца, при необходимости убивая без колебаний, но никогда не делали это в приступе ярости или просто потому, что им представилась такая возможность. Они не брали даже пленных, не то что рабов; бой заканчивался тогда, когда одна из сторон сдавалась. Стоящий рядом Оргрим тоже тихо зарычал при этих словах.

Но Кург’нал еще не закончил.

– И… – Он покачал головой, словно сам не мог поверить в то, что сейчас скажет, потом начал снова: – Мой повелитель, и рабыня, и ее хозяин… зеленые!

2

Гарад попросил Дуротана и Оргрима вернуться к Хребту Ледяного Огня вместе с ним и Гейей. Он велел остальным охотникам – находящемуся в самом расцвете сил Нокрару, Кагре, его подруге со свирепыми глазами, обладающему мощным торсом Грукагу – остаться возле добычи, чтобы завершить подготовку мяса и шкуры к доставке их в селение.

Дуротан сгорал от желания задать множество вопросов, но благоразумно смолчал. Кроме того, что Гарад мог бы ему ответить? Несомненно, вождь слышал о понятии «переговоры» в юности, но, вполне возможно, много лет не вспоминал о нем.

Они ехали к селению в напряженном молчании. Когда-то, как говорилось в священных свитках, Северные Волки были кочевниками. Они преследовали животных по всему Дренору, куда бы те ни перемещались. Их жилища можно было быстро разобрать, упаковать в узлы и привязать к спинам волков. Но если даже когда-то и было так, то все давным-давно изменилось.

Клан уже давно обосновался у Хребта Ледяного Огня. С юга его владения прикрывала Гора-Предок, надежно защищенная Обитель Духов располагалась на севере, а луга тянулись к лесам с запада и с востока. Как и многие орки, Северные Волки отмечали границы своих территорий знаменами: голова белого волка на синем фоне. Они строили прочные хижины из камня, глины и дерева. В прошлом большинство семей сами заботились о себе, лишь изредка прибегая к помощи могучего клана в случае голода или нападения, но теперь многие отдаленные хижины превратились в голые остовы и стояли так уже много лет, дерево из них растащили, а их прежние обитатели, одна семья за другой, переехали ближе к центру селения. Пища, обряды и работа были общими. А теперь общим стало и любопытство.

Хотя небольшие костры для приготовления еды разводили по всей деревне по мере необходимости, в яме в центре селения всегда горел большой огонь. Зимой он обеспечивал необходимое тепло, но даже летом на этом месте разводили небольшой костер, вокруг которого собирались все вместе, рассказывали истории или устраивали общую трапезу. Почетное место отводилось Гараду – валун, из которого когда-то давно вытесали кресло.

Все Северные Волки знали историю Каменного трона. Она началась в далеком прошлом, когда клан еще кочевал. Одному из вождей так понравилось это место возле Хребта Ледяного Огня, когда он привел сюда свой клан, что он не захотел его покидать. Клан встревожился. Что с ними будет, если они не последуют за добычей?

Вождь не хотел принуждать свой народ остаться против его воли, поэтому попросил шамана о встрече с Духами. Он совершил паломничество так далеко на север, как только смог, на самый Край Света. Там, в Обители Духов, священной пещере в самом сердце земли, он просидел три дня и три ночи без воды и пищи – один, в темноте.

В конце концов ему было послано видение, которое гласило: если он так упрям, что не хочет уходить, то Духи превратят его упрямство в достоинство. «Тебя не

сдвинуть с места, как камень, – сказали они ему. – Ты проделал весь этот путь, чтобы найти Обитель Духов. Возвращайся к своему народу и увидишь, что мы тебе подарили».

Вернувшись домой, вождь обнаружил, что в самый центр лагеря Северных Волков скатился валун. Он объявил, что этот камень навсегда станет троном, подаренным за его испытания в Обители Духов. Троном вождя Северных Волков. И так будет до тех пор, пока от времени камень не рассыплется в пыль.

Уже наступили сумерки, когда Дуротан и остальные добрались до селения. В общей костровой яме горел огонь, вокруг него собрались все члены клана Северного Волка. При появлении Гарада, Гейи, Дуротана и Оргрима толпа расступилась.

Дуротан уставился на Каменный трон.

Трон занял орк, который прибыл под флагом переговоров.

И в мигающем оранжевом свете Дуротан увидел, что и этот чужак, и самка, сидящая рядом с ним на корточках с толстым металлическим кольцом на стройной шее, действительно имеют цвет мха.

Мужчина горбил спину, возможно, по причине преклонного возраста, борода его поседела. В одежде и плаще он выглядел массивным. Из его плаща торчали шипы, ранее бывшие частью какого-то животного. В тусклом свете Дуротан не мог определить, как они закреплены на ткани. Он с ужасом, как зачарованный, уставился на два таких шипа, на острия которых были насажены по крохотному черепу. Неужели это когда-то были головы младенцев дренеев… или, да спасут его Духи, головы младенцев орков? Если это так, то они выглядели деформированными, неправильными. Возможно, это какие-то существа, о которых Дуротан никогда не слышал.

Он горячо надеялся, что это так.

Гость опирался на посох, украшенный костями и черепами так же, как и плащ. На нем были вырезаны какие-то знаки, и такие же знаки обрамляли край капюшона чужака. Из-под этого капюшона сверкали его глаза – не отраженным светом костра, но собственным зеленым огнем.

Менее живописно, но, возможно, еще более загадочно выглядела женщина. Она была похожа на орка, но в ее жилах явно текла смешанная кровь. Как это могло произойти, оставалось загадкой для Дуротана, и сама мысль об этом вызвала в нем отвращение. И все же она была отчасти орком, а отчасти… кем-то еще. Кем-то более слабым. Несмотря на то, что Гейя и другие женщины не были такими мускулистыми и массивными, как орки-мужчины, они явно отличались силой. Эта женщина показалась ему тонкой, как веточка. Но, когда он посмотрел в ее глаза, она стойко выдержала его взгляд. Возможно, они и была слаба телом, но не духом.

– Не очень-то она похожа на рабыню, а? – тихо произнес Оргрим прямо на ухо Дуротану.

Дуротан покачал головой.

– Не очень, с таким огнем в глазах.

– У нее хотя бы есть имя?

– Кто-то сказал, что Гул’дан назвал ее… «Гарона».

Оргрим поднял брови, услышав это имя.

– Ее назвали «проклятой»? Так что же она такое? И почему она и ее хозяин… – Оргрим покачал головой, у него был озадаченный, почти комичный вид. – Что случилось с их кожей?

– Не знаю, и спрашивать не стану, – ответил Дуротан, хотя сам он тоже сгорал от любопытства. – Моя мать сочтет это невежливым, а я не хочу навлечь на себя ее гнев.

– Как и все члены клана. Вероятно, только поэтому Гул’дан остался в живых после того, как сел своим зеленым задом на Каменный трон, – сказал Оргрим. – Не следует сердить Хранительницу законов, но ей явно не нравится, что этому… этому ублюдку придется дать слово.

Дуротан бросил взгляд на мать. Гейя деловито вплетала в волосы блестящие бусины. Очевидно, это входило в ритуал переговоров, и она спешила закончить приготовления. Взгляд, которым мать одарила прибывшего гостя, мог бы расколоть каменный трон, на который тот уселся.

– Ей все это явно не нравится. Но помни, что она нам сказала, – ответил Дуротан, снова переводя взгляд на хрупкую, но не слабую рабыню и на высокомерного чужака на троне отца. – Все это – позор для Гул’дана, а не для нас.

Однако он не сказал Оргриму о том, что сидящая перед ним женщина напомнила ему другую – ту, которую когда-то изгнали из клана Северного Волка. Ее звали Драка, и она держалась так же, как эта рабыня, даже тогда, когда ей грозило изгнание и почти верная смерть.

Отец вдалбливал Дуротану, что Северные Волки не убивают и не мучают без необходимости, и поэтому порицают обычай захватывать рабов или пленников ради выкупа. Однако они также не прощали слабости, и считалось, что дети, родившиеся слабыми или болезненными, подрывают силы всего клана.

Таким детям разрешалось дожить до юных лет, так как известно, что иногда с годами кажущаяся слабость исчезает. Но когда они достигали взрослого возраста, хрупкие и болезненные изгонялись из клана и должны были выживать самостоятельно. Если им это каким-то чудом удавалось, один раз в год им позволяли вернуться и продемонстрировать свою удаль: в день летнего солнцестояния, когда еды в изобилии, а Духи обладают самым большим могуществом. Большинство изгоев никогда не возвращались к Хребту Ледяного Огня. Еще меньше орков возвращались в последние годы, так как выжить на меняющейся земле стало еще труднее.

Драка была ровесницей Дуротана, и когда ее приговорили к изгнанию, его охватила печаль. И не его одного. Раздался шепот восхищения, когда клан собрался, чтобы посмотреть на ее уход. Драка взяла с собой еды только на неделю и орудия для охоты и изготовления одежды и укрытия. Ей почти наверняка грозила смерть, и она, должно быть, это понимала. И все же прямо держала свою узкую спину, хоть ее тонкие руки дрожали от тяжести «даров» клана, которые могли означать жизнь или смерть.

– Важно достойно встретить смерть, – произнес один из взрослых.

– По крайней мере, в этом она – Северный Волк, – отозвался другой.

Драка не оглянулась. В последний раз Дуротан видел ее шагающей прочь на худых ногах, а ветер развевал повязанное вокруг ее талии сине-белое знамя клана Северного Волка.

Дуротан часто ловил себя на том, что думает о Драке и гадает, что с ней стало. Он надеялся, что другие орки были правы, и она достойно провела последние минуты своей жизни.

Но в такой чести навсегда было отказано сидящей перед ними рабыне. Дуротан перевел взгляд с отважной зеленокожей рабыни по имени Проклятая на ее хозяина.

– Мне это не нравится, – произнес низкий, рокочущий голос возле уха Дуротана. Это сказал Дрек’Тар; теперь его волосы стали почти совсем седыми, но тело все еще оставалось мускулистым, он был прямым и высоким, а чужак сильно горбился. – Тени окутывают этого орка. Смерть следует за ним.

Дуротан посмотрел на черепа, свисающие с посоха Гул’дана и надетые на шипы его плаща. Те, кто его видел, могли бы сделать такое же замечание, глядя на многочисленные кости, украшавшие чужака. Слепой шаман тоже увидел смерть, но не так, как другие.

Дуротан постарался не вздрогнуть от слов Дрек’Тара.

– Зимой на холмах лежат длинные тени, и я сам сегодня стал причиной смерти. Такие вещи не служат плохими предзнаменованиями, Дрек’Тар. Можно было бы сказать, что за ним следует жизнь, поскольку он зеленый.

– Зеленый – цвет весны, это так, – согласился Дрек’Тар. – Но я не чувствую в нем никакого обновления.

– Давай послушаем, что он скажет, прежде чем решать, прибыл ли он как вестник смерти, жизни или вообще ничего.

Дрек’Тар рассмеялся.

– Твои глаза ослеплены флагом переговоров, и это мешает тебе правильно видеть, юноша. Но со временем ты увидишь. Будем надеяться, что твой отец видит.

Будто услышав свое имя, Гарад шагнул в круг света от костра. Разговоры смолкли. Чужак Гул’дан, кажется, наслаждался вызванным им волнением. Его толстые губы приподнялись, обнажив клыки, в улыбке, больше похожей на презрительную усмешку, и он даже не сделал попытки встать с трона. Для вождя клана принесли другое кресло – простое, деревянное, практичное. Гарад сел, положив ладони на бедра. Гейя, уже надевшая свои самые официальные одежды из дубленой кожи талбука, старательно расшитой узорами из бусин и косточек, стояла за спиной своего мужа.

– Древний флаг переговоров пришел к Северным Волкам, его принес Гул’дан, сын… – Гарад умолк. На его сильном лице промелькнуло смущение, и он вопросительно повернулся к Гул’дану.

– Имя моего отца не имеет значения, как и имя моего клана. – От голоса Гул’дана волосы на предплечьях Дуротана встали дыбом. Голос был хриплым и неприятным, а его вызывающий тон заставил Дуротана заскрипеть зубами. Но для ушей любого орка его слова были даже хуже голоса. Имена родителей и название клана имели первостепенную важность для орков, и Северных Волков шокировало то, как быстро и равнодушно гость отмахнулся от этого вопроса. – Имеет значение то, что я собираюсь сказать.

– Гул’дан, не сын орка, не принадлежащий ни одному клану, – произнесла Гейя таким приветливым голосом, что только те, кто хорошо ее знал, могли различить в нем едва сдерживаемый гнев, – ты спешишь отвергнуть ритуалы и тем самым позоришь тот флаг, под защитой которого попросил о переговорах. Мой вождь может подумать, что ты больше не нуждаешься в защите, которую дает этот флаг.

Дуротан усмехнулся, не стараясь скрыть улыбку. Его мать была не менее опасной, чем отец, как было хорошо известно клану. Этот зеленый орк, по-видимому, понял, что совершил промах.

Гул’дан склонил голову.

– Да, просил. И – нет, я не хочу отказываться от защиты, которую дает переговорный флаг. Продолжай, Гарад.

Гарад произнес слова ритуала. Они были длинными и сложными, а некоторые такими устаревшими, что Дуротан их даже не знал, и его охватило беспокойство. Оргрим выглядел еще более нетерпеливым. Общий тон этих слов внушал ощущение безопасности и обещание честно выслушать того, кто просил о переговорах. Наконец все было сказано, и Гарад в ожидании повернулся к Гул’дану.

Тот поднялся, опираясь на посох. Крохотные черепа на его спине, казалось, безмолвно протестовали, открыв рты.

– Обычаи и древние обряды, которые вас сдерживают, вынуждают меня сообщить вам три вещи: кто я такой, что я предлагаю и о чем я прошу. – Парламентер оглядел собравшихся Северных Волков своими горящими зелеными глазами, взгляд которых был почти оценивающим. – Я – Гул’дан, и хотя, как я уже сказал, я не заявляю о принадлежности к какому-то клану, но у меня есть клан… своего рода. – Он негромко хихикнул, но этот смех ничуть не смягчил тревожного впечатления от его внешности. – Но я позднее еще скажу об этом.

Далее… Что я предлагаю? Это простая, но самая дорогая вещь на свете. – Он воздел руки, и черепа глухо стукнулись друг о друга. – Я предлагаю жизнь.

Дуротан и Оргрим нахмурились и переглянулись. Не кроется ли в словах Гул’дана скрытая – или не такая уж скрытая – угроза?

– Этому миру грозит опасность. И поэтому – нам тоже. Я прибыл издалека, чтобы предложить вам жизнь в виде новой родины – родины зеленой, богатой дичью, плодами и зерном с полей. А прошу я, чтобы ты, Гарад, вождь клана Северного Волка, принял мое предложение и присоединился ко мне.

И, будто он только что бросил огромный камень в тихое озеро, чужак снова сел, выжидательно глядя на Гарада. Все остальные взгляды тоже были устремлены на Гарада. То, что предложил Гул’дан, было не просто оскорблением и вызовом – это было безумием!

Разве не так?

Какое-то мгновение казалось, что вождь клана не знает, что сказать, но тут он заговорил.

– Хорошо, что ты пришел под защитой знамени, Гул’дан не из клана, – прогремел Гарад. – Не то я бы перегрыз твою лживую глотку собственными зубами!

Гул’дан не выглядел ни удивленным, ни оскорбленным.

– Так говорили и другие до тебя, – ответил он, – и все же теперь они вступили в мой клан. Я уверен, что ваш шаман способен видеть то, что недоступно обычным оркам, а наш мир хоть и полон тревог, но огромен. Я прошу тебя признать вероятность того, что ты не знаешь всего и что я могу предложить нечто такое, что нужно Северным Волкам. Возможно, в последние несколько сезонов до вас доходили слухи об… об одном колдуне?

Доходили. Два года назад отряд Северных Волков охотился вместе с группой орков из клана Боевой Песни. Эти орки шли по следу стада талбуков. Им были незнакомы повадки этих красивых, грациозных созданий, и они не знали, что невозможно отбить одно животное от стада. Полосатые талбуки были гораздо меньших размеров и более тонкокостные, чем копытни. Хотя взрослого копытня можно было отделить от стада, но животное таких размеров вполне умело само постоять за себя. Талбуки нуждались в защите всего стада. Когда на них нападали, они не сразу пускались в бегство. Вместо этого они защищали своего брата или сестру все вместе, выставив против хищника множество изогнутых рогов и копыт. Северные Волки знали, как напугать талбуков, какими бы отважными они ни были, и заставить их пожертвовать жизнями нескольких особей. Организуя совместную охоту, кланы Северного Волка и Боевой Песни могли накормить оба отряда охотников вместе с их верховыми волками, и оставалось еще много мяса.

Во время совместного пиршества один охотник племени Боевой Песни упомянул об орке, обладающем странной силой, похожей на силу шамана, но другой. Они называли его «колдуном»; до этого и после Дуротан не слышал этого слова – до сегодняшней ночи.

Лицо Гарада стало жестким.

– Значит, они говорили о тебе, – сказал он. – Колдун. Я должен был догадаться, как только увидел тебя. Ты торгуешь смертью, но надеешься убедить меня присоединиться к тебе при помощи разговоров о жизни. Странное совмещение.

Дуротан бросил взгляд на Дрек’Тара, вспомнив слова старого шамана: «Этого орка окружают тени. Смерть следует за ним». И свой ответ: «Зимой на холмах лежат длинные тени, и я сам сегодня стал причиной смерти. Такие вещи не являются дурным предзнаменованием, Дрек’Тар… Давай послушаем, что он нам скажет, прежде чем решим, является ли он вестником смерти, жизни или вообще ничего».

Он, Гарад и остальные члены клана продолжали слушать.

Гул’дан одной рукой показал на свою зеленоватую кожу.

– Я одарен могучей магией. Она пропитала меня и придала моей коже этот цвет. Он отмечает ее власть надо мной. И – да, эта магия становится сильнее, когда питается жизнью. Но посмотри мне в глаза, Гарад, сын Дуркоша, и скажи мне правду: разве ты никогда не оставлял истекающую кровью жизнь на снегу в благодарность Духам за их благословение? Не убивал копытня в обмен на благополучное появление на свет новорожденного, может быть, и не оставлял одно животное лежать там, где оно упало, когда десяток талбуков погибал от ваших копий?

Слушающие их члены клана смущенно зашевелились, но Гарад казался невозмутимым. Все знали, что Гул’дан говорит правду.

– Мы питаемся подобной жертвой, – подтвердил Гарад. – Нас кормит жизнь, прерванная таким образом.

– И меня кормит то же самое, но по-другому, – сказал Гул’дан. – Вас кормит плоть этого животного, одевает его шкура. Я питаюсь силой и знанием и одеваюсь… в зелень.

Дуротан невольно посмотрел на рабыню. Она тоже была зеленой, но было очевидно, что она не только рабыня, но рабыня, с которой грубо обращаются. Ему отчаянно хотелось спросить: «Почему она зеленая? Зачем Гул’дан привел ее с собой?» – но здесь руководил его отец, а не он, поэтому сын вождя прикусил

язык.

По-видимому, то же самое сделал и его отец. Гарад больше ничего не сказал, и его молчание послужило приглашением для Гул’дана продолжить.

– Дренор уже не тот, каким был прежде. Жизнь убегает из него. Зимы стали длиннее, периоды весны и лета становятся более короткими и менее изобильными. Дичи для охоты мало. И…

Гарад нетерпеливо махнул рукой. Отблески костра плясали на его лице, на котором читалось нетерпение.

– Орк, не принадлежащий ни одному клану, ты не поведал мне ничего такого, чего бы я уже не знал. О подобных вещах известно. Легенды говорят о циклах в нашем мире. Все чередуется: приливы и отливы, тьма и свет, смерть и возрождение. Лето и весна снова станут длиннее, когда этот цикл завершится.

– Станут ли? – глаза Гул’дана блеснули зеленым огнем. – Ты знаешь север. Я – родом с юга. Для нас этот так называемый цикл – это нечто большее, чем более долгая зима и меньшее количество животных. Наши реки и озера мелеют. Деревья, плодами которых мы питаемся летом, перестали давать новые побеги и дают мелкие, горькие плоды, если вообще плодоносят. Когда мы сжигаем дерево, оно неприятно пахнет. Зерно гниет на корню или остается спать в земле, когда мы его сажаем, так как почва не питает его. Наши дети рождаются больными, а часто совсем не рождаются. Вот что мы видим на юге!

– Мне нет дела до страданий юга.

Неприятная, злобная усмешка изогнула губы Гул’дана, обнажив клыки.

– Да, пока еще нет. Но то, что произошло там, произойдет и здесь. Это не просто плохой сезон или десять плохих сезонов. Я вам говорю, этот мир умирает. Может быть, Хребет Ледяного Огня еще не испытал того, что испытали мы, но время не знает расстояний.

Он вытянул руку в сторону рабыни, не глядя на нее. Она покорно, хоть глаза ее сверкнули, подала ему маленький сверток.

Чужак развернул ткань. Внутри оказался округлый красный предмет.

– Кровавое яблоко, – произнес он, поднимая его вверх. Яблоко было действительно маленьким и больным на вид. Его кожура была пятнистой, а не ярко-красного цвета, за который оно получило свое название, но не сухой или гнилой, как бывает, если его сорвали намного раньше времени. На глазах у всех Гул’дан вытянул палец с острым ногтем и разрезал яблоко. Оно распалось на две половинки, и все орки тихо ахнули.

Яблоко было мертвым внутри. Не гнилым, даже не изъеденным червями или болезнью. Просто мертвым – высохшим и бурым.

В нем не было семечек.

3

На мгновение воцарилось ошеломленное молчание, но его нарушил Гарад.

– Давай поиграем в игру, – сказал он. – Сделаем вид, что ты прав, и Дренор – весь наш мир – умирает. И что каким-то образом тебе и только тебе одному дарована способность повести нас в особенную новую землю, где нет этого умирания. Если бы такая сказка была правдой, то, мне кажется, тебе было бы лучше просто отправиться в эту новую землю с как можно меньшим количеством последователей. Зачем ты едешь на север, когда зима только что закончилась, и делаешь такое щедрое предложение Северным Волкам? – Голос Гарада прямо-таки сочился сарказмом.

Гул’дан сдвинул вверх рукав, обнажив странные браслеты и новые участки своей пугающе зеленой кожи.

– Я ношу эту отметку магии, – просто сказал он. – Я говорю правду.

И почему-то Дуротан понял, что пришелец не солгал. Его взгляд снова устремился на Гарону, рабыню колдуна. Она тоже колдунья? Может быть, Гул’дан держит эту женщину в цепях не потому, что она ему покорилась, а

потому, что она может быть опасной?

– Я недавно говорил о клане, – продолжал Гул’дан. – Это не тот клан, в котором я родился, а клан, который я основал. Я создал его, свою Орду, и те, кто вступил в нее, сделали это по доброй воле и с радостью.

– Я не верю, что какой-то вождь орков, в каком бы он ни оказался отчаянном положении, мог приказать своему клану последовать за тобой и нарушить клятву верности клану!

– Этого я от них не требую, – ответил Гул’дан, его спокойный голос резко контрастировал с повышенным тоном Гарада. – Они сохраняют своих вождей, свои обычаи, даже свои имена. Но кланы подчиняются вождям, а эти вожди подчиняются мне. Мы – часть одного большого целого.

– И все, с кем ты разговаривал, проглотили эту сказку, как молоко матери? – Гарад уже открыто издевался. Дуротан гадал, как скоро он нарушит традиции переговоров и перегрызет зеленую глотку Гул’дана, как недавно грозился.

– Не все, но многие, – сказал Гул’дан. – Многие другие кланы, которые страдают и численность которых уменьшается. Они пойдут за мной к новой зеленой земле, и сделают это, не нарушая верности клану, а просто обещая верность и Орде тоже. Они остаются кланами Боевой Песни, или Смеющегося Черепа, или Кровоточащей Ложбины, но они становятся также частью Орды. Моей Орды. Они следуют за мной и пойдут туда, куда я их поведу. А я поведу их туда, где процветает жизнь.

– За тобой следует не один клан, а больше? Боевая Песнь, Кровоточащая Ложбина, Смеющийся Череп? – недоверчиво спросил Гарад, и не без основания. Дуротан знал, что хотя орки иногда сотрудничали ради какой-то одной цели, например охоты, они всегда расходились в разные стороны после ее достижения. То, что им рассказывал Гул’дан, казалось в лучшем случае невероятным, если вообще не детской фантазией.

– Все, кроме нескольких, – ответил Гул’дан. – Некоторые упрямые кланы все еще предпочитают цепляться за мир, который больше не служит им опорой. Некоторые, такие как Красные Ходоки, например, уже почти не похожи на орков – они мажут себя кровью своей добычи и наслаждаются разложением. Мы их

избегаем. В какой-то момент Красные Ходоки умрут – сойдут с ума и погибнут в отчаянии. Мне нужна от вас только верность, когда мы вместе отправимся в путешествие, оставив позади умирающую оболочку. И еще ваши знания, ваши умения, ваша сила.

Дуротан пытался представить себе огромное море коричневокожих орков с оружием в руках. Оружием, которое они направят не друг против друга, а против зверей, ради добычи общей еды, против земли, чтобы строить новые укрытия и дома. И все это – в мире покрытых зеленой листвой деревьев, усыпанных спелыми плодами, сильных, жирных и здоровых животных, свежей и чистой воды. Он порывисто подался вперед и попросил:

– Расскажи мне больше об этой земле.

– Дуротан!

Голос Гарада громыхнул, как разряд молнии. Кровь бросилась в лицо Дуротана, но после этого единственного взрыва отец сконцентрировал внимание не на своем самонадеянном сыне, а на чужаке в их лагере, и этот чужак медленно улыбнулся Дуротану.

– Значит, ты пришел нас спасти, не так ли? – спросил Гарад. – Мы – Северные Волки, Гул’дан. Мы не нуждаемся в твоем спасении, в твоей Орде, в твоей земле, которая всего лишь обещание. Хребет Ледяного Огня служил Северным Волкам домом со времен самых древних преданий, и он им останется!

– Мы чтим наши традиции, – сказала Гейя, ее голос и выражение лица были суровыми. – Мы не отрекаемся от самих себя, когда наступают трудные времена. Другие пускай бегут к тебе, как хныкающие дети, но мы не побежим. Мы сделаны из более крепкого материала, чем те, кто живет на изнеженном юге.

Гул’дан не обиделся на презрительные слова Гарада. Скорее, он смотрел на вождя почти с грустью.

– Я уже говорил о кланах орков, которые не присоединились к Орде, – сказал он. – Когда я к ним обратился, они тоже говорили мне, что не нуждаются в помощи. Но потеря пищи, воды, крова – всего того, что требуется для жизни, – ужасно сказалась на них. Вынужденные в конце концов оставить родные земли,

они стали кочевниками, передвигающимися с одного места на другое. Теперь они лишь тени орков и страдают безо всякой необходимости.

– Мы – не страдаем, – ответил Гарад. – Мы выживаем. – Он слегка откинулся назад, выпрямил свое большое, могучее тело. Дуротан понял, что означает этот жест.

Переговоры закончены.

– Мы не пойдем за тобой, зеленый орк.

Гул’дан не произвел на Дуротана впечатления орка, который привык встречать отказ. Сын вождя гадал, не призовет ли колдун те таинственные магические силы, которыми, как он утверждал, владеет, и не нарушит ли защиту переговоров, вызвав Гарада на мак’гору – битву насмерть между двумя орками. Его мать, может быть, знала, как правильно реагировать на это, но Дуротан не знал.

Он только один раз был свидетелем мак’горы. Один орк из клана Повелителя Грома решил не уступать свою добычу Северным Волкам, как ранее договорились. Вместо этого он бросил вызов Грукагу, который предъявлял права на это животное. Тогда это показалось Дуротану странным и разрушительным; до этого момента Повелители Грома и Северные Волки несколько дней действовали сообща и хорошо ладили. Дуротан даже вроде подружился с одним членом другого клана. Его звали Ковогор, и они были ровесниками. Ковогор был забавным, приветливым и очень искусно метал топор. Когда объединенная группа охотников разбивала лагерь на ночь, Ковогор учил Дуротана правильно бросать топор, так, чтобы он вонзился в плоть намеченной жертвы.

Тот бой выиграл Грукаг. Дуротан вспомнил, как билось его сердце в груди, как стучала кровь в висках. Он никогда прежде не чувствовал себя таким живым. Не было времени подумать, удивиться, когда он сам участвовал в битве, но когда он смотрел на схватку других – ощущения были совсем другими.

И все-таки, когда все закончилось и Грукаг прокричал о победе Северных Волков, стоя на залитом кровью снегу, Дуротана одновременно с всеобщей эйфорией охватило странное чувство. Позже он понял, что то было ощущение потери. Другой орк был сильным и гордым, но, в конце концов, его гордость

оказалась больше его силы, и Повелители Грома вернулись домой без одного воина, обеспечив свой клан едой. И теперь между кланами установились холодные отношения, из-за которых Дуротан лишился даже возможности попрощаться с Ковогором.

Но, по-видимому, сегодня мак’горы не будет. Гул’дан лишь вздохнул и покачал головой.

– Возможно, ты не веришь мне, Гарад, сын Дуркоша, но я горюю о том, что, как мне известно, случится. Северные Волки – гордые и благородные, но даже вы не сможете выстоять против того, что случится. Ваш народ обнаружит, что гордость и благородство мало значат там, где нечего есть и нет воды, пригодной для питья, или воздуха, которым можно дышать.

Он сунул руку в складки своей одежды – и вынул нож.

Яростный рев вырвался из глотки каждого орка при виде такого предательства.

– Стойте!

Голос Гейи был полон силы, когда она прыгнула и встала между Гул’даном, который предусмотрительно замер, не закончив движения, и любым орком, который мог напасть на него.

«Что она делает?» – удивился Дуротан, но, как все остальные, он остался на месте, хотя все его тело стремилось прыгнуть на Гул’дана.

Гейя обвела взглядом толпу.

– Гул’дан прибыл под знаменем переговоров! – крикнула она. – То, что он делает, – часть ритуала. Мы позволим ему продолжать… что бы мы о нем ни думали.

Ее губы изогнулись, и она отступила на шаг назад, позволив Гул’дану вытащить до конца грозный на вид клинок. Гарад явно был готов к такому моменту, он смотрел, как Гул’дан склонил голову, вытянул вперед руку ладонью вверх и положил на нее нож.

– Я предлагаю испытание этим клинком тебе, который держит в своей руке мою жизнь, – произнес Гул’дан. – Он острый, как зуб волка, и я приму то, что он решит.

Дуротан, точно завороженный, смотрел, как огромные пальцы отца – пальцы, когда-то задушившие талбука, который выбил из рук Гарада копье, – сомкнулись вокруг ножа. Отблески костра играли на длинном лезвии. Гарад поднял его вверх, чтобы все видели, потом провел им по тыльной стороне кисти. Из раны хлынула красновато-черная кровь. Гарад позволил ей капать на землю.

– Ты пришел с клинком, таким острым, с клинком, который мог бы отнять у меня жизнь, но ты не пустил его в ход – сказал он. – Это настоящие переговоры. Я принимаю этот нож в знак признания этого, и я пролил свою кровь в знак того, что ты получишь возможность свободно уйти отсюда.

Сильный голос вождя отчетливо прозвучал в холодном ночном воздухе, подчеркивая важность сказанного. На мгновение он замолчал, чтобы эти слова запомнились.

– Теперь убирайся.

Дуротан снова напрягся, как и стоящий рядом с ним Оргрим. То, что Гарад ведет себя с таким открытым презрением, позволяло его сыну понять, как глубоко оскорблен вождь Северных Волков предложением колдуна. Несомненно, Гул’дан должен потребовать возможности отомстить за такую неучтивость.

Но зеленый орк снова лишь склонил голову, смирившись. Твердо упираясь своим ужасным посохом в землю, он поднялся на ноги. Его неестественно горящие глаза несколько секунд смотрели на молчащее, враждебное собрание, а потом он шагнул вперед и дернул за цепь, прикрепленную к шее женщины, похожей на орка, и она встала, грациозная и гибкая. Проходя мимо Дуротана, она открыто посмотрела ему в глаза.

У нее были красивые, полные огня глаза.

«Кто ты… и кто ты Гул’дану?» – Дуротан полагал, что никогда этого не узнает.

Северные Волки расступились перед колдуном – не из уважения, как понял Дуротан, а из стремления избежать с ним любого физического контакта, будто прикосновение к существу, которое настолько связано со смертью, могло им повредить.

– Ну-ну, – проворчал Оргрим, когда эта пара прошла к поджидавшим их волкам. – И подумать только, что мы ждали скучного пиршества в честь удачной охоты.

– Я думаю, мать была бы рада устроить пиршество для него, – сказал Дуротан. Он смотрел, как темнота поглотила зеленого орка и его рабыню, потом повернулся и посмотрел на Дрек’Тара. По его коже пробежали мурашки.

Слепой шаман стоял неподвижно, как каменный. Он склонил голову к плечу, словно старался что-то услышать. Внимание всех остальных все еще было приковано к уходящему незваному гостю, и поэтому Дуротан был уверен, что только он один заметил слезы, смочившие складку ткани на незрячих глазах Дрек’Тара.

4

– Прошло уже три полных солнца после тех переговоров, но, кажется, никто не может говорить ни о чем другом, – с недовольной гримасой пожаловался Оргрим, сидящий верхом на Кусаке.

– По-видимому, и ты в том числе, – ответил Дуротан. Оргрим нахмурился и замолчал; видно было, что он слегка смутился.

Друзья вдвоем отъехали на расстояние лиги от селения в поисках топлива для костра. Не худшее задание, которое можно получить, но не такое интересное, как охота, хоть и необходимое. Топливо поддерживало жизнь клана зимой, и чтобы оно созрело и высохло до нужного состояния, требовалось время.

Но Оргрим был прав. Гарад, конечно, размышлял о том визите. Он даже не вышел из своей хижины на следующее утро. А вот Гейя вышла. В ответ на любопытный взгляд Дуротана, мать сказала, проходила мимо него:

– Твоего отца встревожило то, что сказал Гул’дан. Гарад просил меня найти Дрек’Тара, чтобы мы втроем обсудили, как то, о чем говорил зеленый чужак, повлияет на Духов и что нам делать с нашими традициями.

Это был длинный ответ на вопрос, заданный всего лишь приподнятыми бровями, и Дуротан тут же насторожился.

– Я тоже приду на это совещание, – сказал он. Волосы Гейи, заплетенные в косы и украшенные косточками и перьями, будто взлетели в воздух, когда она отрицательно замотала головой.

– Нет. У тебя есть другие обязанности, которыми ты должен заниматься.

– Я думал, что отец не заинтересовался Гул’даном, – сказал Дуротан. – А теперь ты мне говоришь, что будет совещание. Как сын и наследник вождя, я должен на нем присутствовать.

– Это только разговор, не больше, – отмахнулась мать. – Мы вызовем тебя на совет, когда будет нужно, сын мой. Как я уже сказала, у тебя есть другие обязанности.

Собирать дрова. Разумеется, никакие обязанности, которые выполнял даже самый незначительный член клана, не считались унизительными для вождя, так как Северные Волки считали, что каждый орк имеет свой голос и свою ценность для клана. Но все-таки… Что-то происходит, а Дуротана оставляют в стороне, и ему это не нравилось.

Его мысли вернулись к тому случаю, когда, еще в детстве, ему поручили собирать хворост для костра, на котором готовили еду. Юный орк тогда громко сетовал, потому что ему хотелось поупражняться в бою на мечах с Оргримом, и Дрек’Тар сделал ему выговор.

– Неразумно и опасно рубить деревья, когда нам не нужны крупные стволы для постройки жилищ, – сказал Дуротану шаман. – Духу Земли это не нравится. Он дает достаточно веток для наших нужд, их иглы сухие и быстро загораются. Только ленивые маленькие орки скулят как волчата, когда приходится сделать несколько лишних шагов, чтобы проявить уважение к Духу.

Дуротан, разумеется, был сыном вождя, и ему не понравилось, что его назвали ленивым маленьким орком, который скулит, как волчонок, поэтому он отправился выполнять поручение. Позднее, уже взрослым, он спросил у Дрек’Тара, правду ли он тогда сказал.

Шаман рассмеялся.

– Правда в том, что глупо без разбора валить деревья, – ответил он. – И к тому же слишком близко от селения – это известит чужаков о нашем присутствии. Но… да. Я считаю, что это проявление неуважения. А ты разве нет?

Дуротану пришлось согласиться, но он прибавил:

– А правила Духа всегда совпадают с тем, чего хочет вождь?

Широкий рот Дрек’Тара растянулся в улыбке.

– Только иногда, – ответил он.

Теперь, пока Дуротан ехал рядом с Оргримом, ему в голову пришла одна мысль. «Рубить деревья…»

– Гул’дан говорил, что когда южные орки рубят деревья, они пахнут… плохо.

– Нет, вы послушайте! – шутливо возмутился Оргрим. – И кто теперь говорит о Гул’дане?

– Нет, правда… Как ты думаешь, что это значит? И кровавое яблоко… он показал его нам, из него исчезли семечки.

Оргрим пожал могучими плечами и указал рукой на рощицу впереди. Дуротан увидел сухие упавшие ветки на кучках высохших бурых иголок.

– Кто знает. Может быть, южные деревья решили, что они больше не хотят, чтобы их рубили? Что касается яблока, я и до этого надкусывал яблоки, в которых нет семечек.

– Но откуда колдун мог знать это? – настаивал Дуротан. – Если бы он разрезал яблоко и в нем все же оказались бы семечки, его со смехом выпроводили бы из нашего селения. Он знал, что их там не будет!

– Может быть, это яблоко уже было разрезано. – Оргрим спрыгнул с Кусаки и развязал пустой мешок, готовясь заполнить его хворостом. Кусака начал описывать круги, пытаясь лизнуть Оргрима в лицо, и орку пришлось тоже ходить кругами, смеясь:

– Кусака, прекрати! Нам надо навьючить тебя.

Дуротан тоже рассмеялся.

– Ваш танец оставляет желать… – Слова застряли у него в горле. – Оргрим!

Его друг тут же насторожился, услышав, как изменился голос Дуротана, и посмотрел в ту же сторону. В нескольких шагах от них, почти незаметное в серо-зеленых ветвях сосны, на коре дерева виднелось белое пятно – свидетельство того, что кто-то отрубил ветку.

Дуротан и Оргрим охотились вместе с тех пор, как научились ходить; детьми они вместе выслеживали воображаемую добычу или грубые игрушки из кожи. Они настолько полно чувствовали друг друга, что словами не выразить. Сейчас Оргрим ждал в напряженном молчании указаний сына своего вождя.

«Наблюдай», – учил Дуротана отец. Ветку срубили – не сломали и не оторвали. Получается, тот, кто это сделал, носит оружие. Из среза еще сочился янтарный сок, так что срезали ее совсем недавно. Снег под пострадавшим деревом был примят ногами.

Несколько мгновений Дуротан стоял неподвижно и просто слушал. Он слышал только тихие вздохи холодного ветра и шелест сосновых иголок. Чистый аромат проник в его ноздри, когда он глубоко вдохнул воздух. Но он уловил и кое-что еще: запах меха и не показавшийся ему неприятным мускусный запах – не странный цветочный запах дренея, а запах другого орка.

А поверх этих двух знакомых, известных запахов резко выделялся третий – резкий металлический запах крови.

Дуротан повернулся к Острозубу и положил ладонь на нос волка. Зверь послушно опустился на снег и замер – он двигался беззвучно, как и его хозяин. Волк не двинется с места и не завоет, если на него не нападут или его не позовет Дуротан.

Кусака, обученный так же хорошо волк из одного помета с Острозубом, подчинился аналогичной команде Оргрима. Оба волка смотрели на своих хозяев умными золотистыми глазами, а те осторожно двинулись вперед, огибая снежные сугробы, под которыми могли скрываться ветки, треском выдавшие бы их присутствие.

Из оружия в их распоряжении имелись только топоры, зубы волков и их собственные тела. Этого с лихвой хватило бы, чтобы справиться с обычными опасностями, но рука Дуротана чесалась от желания сжать боевой топор или копье.

Они шагали по направлению к деревьям с обрубленными ветками. Дуротан дотронулся до одной из влажных меток на коре, потом показал рукой на истоптанный снег, обращая внимание друга на то, что незваные гости не прятались. Этим оркам было все равно, узнает ли кто-то об их присутствии. Дуротан нагнулся, чтобы осмотреть следы. В нескольких шагах от него Оргрим сделал то же самое. После быстрого, но тщательного осмотра Дуротан поднял четыре пальца.

Оргрим покачал головой и показал пальцами обеих рук другое число.

Семь.

Дуротан скривился. Они с Оргримом были орками в самом расцвете сил, здоровыми, быстрыми и сильными. Сам он легко мог справиться с двумя, даже с тремя или четырьмя другими орками, вооруженный лишь топором. Но семеро…

Оргрим посмотрел на него и показал в глубину рощицы. Друг рвался в бой, как всегда, с самого своего рождения, ему не терпелось напасть на нарушителей границ, но Дуротан медленно покачал головой – нет. Оргрим сдвинул брови,

словно молча издал восклицание.

Об этом сложили бы грандиозный «лок’ваднод», но хотя Дуротана за такой подвиг потом прославляли бы в песнях после его героической смерти, они с Оргримом находились слишком близко от селения. Дуротан сложил руки, словно качал младенца, и Оргрим нехотя кивнул.

Они вернулись к своим волкам, по-прежнему съежившимся в снегу. Дуротану пришлось сдерживать себя, чтобы сразу же не вскочить в седло. Вместо этого он погрузил пальцы в мягкую густую шерсть на горле Острозуба. Волк поднялся, медленно помахивая хвостом, и несколько шагов прошел рядом с Дуротаном, пока рощица и приметы опасности не остались позади. Только когда Дуротан убедился, что их не услышали и не преследуют, он вскочил на Острозуба и поскакал к селению со всей быстротой, на которую были способны огромные ноги волка.

Дуротан направился прямо к хижине вождя. Не объявляя о себе, он толчком распахнул дверь.

– Отец, там чужаки, которые…

Слова замерли у него на губах.

Хижина была, как и требовал закон клана, самой большой в селении. Одну стену закрывало знамя. Доспехи и оружие вождя занимали один угол, а кухонные принадлежности и другая повседневная утварь были аккуратно расставлены в другом. Обычно третий угол заполняли меха для постели, скатанные и убранные в сторону, когда семья бодрствовала.

Но не сегодня. Гарад лежал на шкуре копытня на жестком земляном полу, укрытый второй шкурой. Гейя одной рукой поддерживала его голову и наклоняла ее вперед, чтобы вождь Северных Волков мог понемногу глотать из тыквенного ковша, который был у нее в другой руке. Когда Дуротан вошел, и она, и Дрек’Тар, стоящий рядом с ней, резко повернули к нему головы.

– Закрой дверь! – рявкнула Гейя. Потрясенный Дуротан быстро повиновался. Он сделал два шага на своих длинных ногах и опустился на колени рядом с Гарадом.

– Отец, что с тобой случилось?

– Ничего не случилось, – проворчал вождь, с раздражением отталкивая прочь дымящуюся жидкость. – Я устал. Можно подумать, что сама смерть склонилась надо мной, а не Дрек’Тар, хотя иногда мне кажется, что это одно и то же.

Дуротан переводил взгляд с Дрек’Тара на Гейю. У обоих были мрачные лица. У Гейи был такой вид, будто за последние три дня она не спала ни минуты. Дуротан вдруг только сейчас увидел, что в волосах матери те же бусы, что и во время визита Гул’дана, а ведь Гейя никогда не носила ритуальные украшения после того, как церемония закончена.

Однако обратился он к шаману:

– Дрек’Тар?

Старый орк вздохнул.

– Это не болезнь из числа тех, что мне известны, и не рана, – произнес он. – Но Гарад чувствует себя…

– Слабым, – договорила Гейя. Голос ее дрожал.

Значит, вот почему она настояла, чтобы Дуротан отправился за хворостом на три дня. Мать не хотела, чтобы он находился здесь, в селении, и задавал вопросы.

– Это серьезно?

– Нет, – проворчал Гарад.

– Мы не знаем, – ответил Дрек’Тар, будто вождь ничего не говорил. – И именно это меня тревожит.

– Ты думаешь, это имеет какое-то отношение к тому, что сказал Гул’дан? – спросил Дуротан. – О том, что мир заболевает?

О том, что болезнь подбирается к Хребту Ледяного Огня.

Дрек’Тар вздохнул.

– Возможно, – ответил он. – Или это просто пустяк. Инфекция, которую я не могу распознать и которая, возможно, пройдет со временем, или…

– Если бы это была инфекция, ты бы ее знал, – твердо заявил Дуротан. – Что говорят Духи?

– Они взволнованы, – ответил шаман. – Им не понравился Гул’дан.

– Кто может их винить в этом? – сказал Гарад и подмигнул сыну, чтобы подбодрить его, но эффект оказался обратным. Весь клан встревожили грозные предсказания зеленого орка. Гараду было бы неразумно появляться перед народом в таком состоянии. Гейя и Дрек’Тар правы, что ждали, пока он выздоровеет, чтобы…

Дуротан выругался. Его так потряс вид отца в подобном состоянии, что он забыл, что заставило его ворваться в их жилище.

– Мы нашли следы чужаков в лесу, на расстоянии лиги к юго-востоку, – сообщил он. – От них пахнет кровью. Ее много – больше, чем просто от убийства на охоте. И это старая кровь.

Маленькие глазки Гарада, влажные и налитые кровью, при этих словах прищурились. Он откинул верхнюю шкуру.

– Сколько? – спросил он, пытаясь подняться.

Ноги вождя подломились, и Гейя подхватила его. Мать Дуротана была сильной и обладала многолетней мудростью, однако впервые на памяти Дуротана родители показались сыну старыми.

– Я соберу боевой отряд, – решил Дуротан.

– Нет! – это был громкий протестующий крик, приказ, и Дуротан невольно остановился – так глубоко укоренился в нем инстинкт, требующий повиноваться командам отца.

Но у Гейи он отсутствовал.

– Дуротан справится с этими непрошеными гостями, – сказала она. – Пусть он возглавит боевой отряд.

Гарад оттолкнул жену прочь. Этот жест был сердитым, властным, но Дуротан знал, что отцом руководит страх. Обычно, если он отнесся бы к Гейе так непочтительно, она бы ответила ему на удар. Пусть Гарад был вождем, но она была женой вождя и не терпела подобного обращения.

Сейчас она этого не сделала, и от этого Дуротана охватил леденящий холод.

– Послушайте меня, – обратился Гарад ко всем. – Если я не поеду на встречу с грозящей опасностью, клан подумает, что я слишком слаб. Они и так уже возбуждены из-за той чепухи, что наговорил Гул’дан. Если они сочтут, что я не в состоянии руководить… – Он покачал головой. – Нет. Я поведу этот боевой отряд и вернусь победителем. И тогда мы разберемся с происходящим – с позиции победителей. Я докажу Северным Волкам, что в состоянии их защитить.

Его логика была неопровержима, хотя Дуротан всей душой ей противился. Он взглянул на мать и увидел в ее глазах безмолвную просьбу. Сегодня она не будет сражаться бок обок с Гарадом. Впервые в их жизни Гейя заподозрила, что муж не вернется. Клан не мог позволить себе потерять его, ее и Дуротана в одной ужасной схватке. Сердце наследника вождя сжалось от боли.

– Я не спущу с него глаз, мать. С ним ничего…

– Мы отправляем слабых в изгнание, Дуротан, – перебил его Гарад. – Таков наш обычай. Ты не будешь прикрывать меня и не будешь вмешиваться. Если такова моя судьба, я приму ее, и сделаю это без чьей-либо помощи, верхом на моем волке или на своих двух ногах. – Даже произнося эти слова, вождь слегка

покачнулся. Гейя подхватила мужа, и на этот раз, когда он отстранился, он сделал это мягко, не обидно для спутницы всей своей жизни. Он протянул руку за ковшом и несколько мгновений смотрел на него.

– Расскажи мне, что ты видел, – обратился он к Дуротану и стал слушать сына, прихлебывая целебный отвар.

5

Гейя и Дуротан помогли Гараду облачиться в боевые доспехи. В отличие от охотничьих, они были рассчитаны на то, чтобы выдержать удар топора, молота или булавы, а не рогов и копыт. Звери наносят удар в центр тела или в грудь и ноги. Орки тоже целятся в эти места, но у орка, оружие которого рассчитано на ближний бой, особенно уязвимы плечи и горло. Именно поэтому у боевых доспехов горло защищает толстый кожаный воротник, а плечи – толстые накладки, утыканные металлическими шипами. Но для расы, превыше всего почитающей честь, доспехи менее важны, чем оружие. А оружие, которым сражаются орки, очень тяжелое. Например, завещанным Оргриму предками оружием был Молот Рока, от которого получила свое имя его семья. Он представлял собой огромный кусок гранита, дважды обернутый куском кожи с золотыми заклепками, на толстой дубовой рукояти, которая сама по себе могла служить оружием.

Гарад же предпочитал для охоты родовое оружие – Удар Грома, а в битву брал с собой громадный топор, названный им Секачом. Это был обоюдоострый стальной клинок, старательно заточенный так, что его лезвие стало тонким, как лист, и он полностью соответствовал своему названию. Гарад редко брал его с собой, но сегодня он с гордостью повесил этот топор за спину.

Дуротан никогда не был так горд тем, что он сын Гарада, как в тот момент, когда через некоторое время отец вышел из хижины. Он шагал еще более прямой, чем обычно, его темные глаза сверкали праведным гневом. Оргрим уже поговорил с воинами клана, и большинство из них тоже надели боевые доспехи.

– Северные Волки! – прозвенел голос Гарада. – Мой сын принес вести о незваных гостях в наших лесах. Об орках, которые пришли на нашу территорию не

открыто, как положено отряду охотников, а крадучись и скрываясь. Они рубили ветви наших деревьев, и они пахнут давней кровью.

При воспоминании об этом Дуротан подавил невольную дрожь. Любой орк считал запах свежей крови, пролитой ради пропитания или ради защиты чести, хорошим запахом. Но застарелая кровь, которая воняет затхлостью, разложением… ни один орк не согласится пахнуть так. Воин купается в крови, но после смывает ее и переодевается в чистую одежду, чтобы отпраздновать победу.

Неужели это те самые Красные Ходоки, о которых говорил Гул’дан? Неужели они называют себя так потому, что всегда покрыты кровью своих жертв? Когда Гул’дан рассказал об этом клане, Дуротан склонен был радушно принять его охотников, если они придут на территорию Северных Волков. Любой орк, отказавший колдуну, достоин уважения. По крайней мере, так он считал, пока не ощутил их запах.

Убитым существам следует позволить двигаться дальше – душам орков и душам их меньших братьев и сестер, таких как копытни, вплоть до самого маленького снежного кролика. Их убивают и едят или сжигают, возвращая земле, воде, воздуху и огню. Шкуры выделывают и красят, никогда не оставляя окровавленными и гниющими.

Эти мысли ужасали Дуротана, как и каждого Северного Волка, которые внимательно слушали слова своего вождя.

– Мы поедем и сразимся с этими незваными гостями, – продолжал Гарад. – Мы выгоним их из наших лесов или убьем их там, где найдем!

Он поднял Секач и прокричал:

– Лок’тар огар! Победа или смерть!

Северные Волки на бегу подхватили его клич и кричали вместе с ним, подбегая к своим рвущимся в бой волкам. Дуротан вскочил на Острозуба, бросив быстрый взгляд через не защищенное доспехами плечо на отца. Всего на мгновение усталость, которая лишила сил Гарада совсем недавно, промелькнула на лице вождя. Затем – и Дуротан понимал, что только благодаря решимости и

упрямству, – усилием воли Гарад прогнал ее.

У Дуротана вдруг перехватило дыхание, словно его горло сжала невидимая рука.

В дороге Гарад старался заставить себя думать быстрее. Северные Волки мчались к рощице пострадавших деревьев, не пытаясь скрываться. Его сын и Оргрим доложили, что видели следы семи орков, но, несомненно, нарушителей было больше. Возможно даже, что основной отряд численностью превосходил Северных Волков, которых всегда было немного. Одно несомненно: никто из орков не заметил никаких признаков того, что у чужаков были волки. В конце концов, Красным Ходокам, если это они, предстоит столкнуться с десятком воинов, а на деле даже с двумя десятками – северные волки обучены сражаться бок о бок с орками, которых они считают скорее друзьями, чем хозяевами.

Этого будет достаточно, чтобы уничтожить пришельцев. По крайней мере, Гараду придется на это надеяться. И придется надеяться, что он продержится достаточно долго, чтобы совершить то, для чего приехал сюда, а потом вождь вернется домой и продолжит бороться с этой проклятой, унизительной слабостью.

Эти симптомы напоминали состояние, вызванное укусом мелкого, но опасного насекомого, которого орки называют диггером. Его жертвы на много дней ослабевали, лишались энергии и сил, что приводило орков в ужас. Боль, конвульсии, сломанные конечности – с этим всем они умели справляться. Но безразличие и летаргия, вызванные этим насекомым, их очень пугали. Однако ни Гейя, ни Дрек’Тар не заметили следов укуса диггера. А Дрек’Тар вдобавок не узнал у Духов ничего – совсем ничего – о природе этой таинственной болезни. Когда Дуротан пришел и рассказал о пахнущих кровью врагах, Гарад понял, что это знамение. Он должен встать и сражаться. Он соберется с силами и победит болезнь, так же как прежде побеждал всех других врагов.

Победа в этой схватке также поднимет боевой дух клана. Мрачные предсказания Гул’дана, его пугающее появление, его странная рабыня и, более всего, его зеленая кожа – все это плохо подействовало на Северных Волков. Пролитая кровь врагов очень приободрит их. И Гарад жаждал еще раз ощутить на себе брызги горячей крови законной добычи. Может быть, это испытание, посланное

Духами, и триумф вернут ему бодрость. Болезнь подстерегла их клан, не обойдя даже вождя, но он отразит ее атаку, как уже бывало прежде.

Наглые чужаки оставили широкий след из раненых деревьев, их следы темными пятнами выделялись на истоптанном снегу. Северные Волки шли по этим следам, перекрывая их отпечатками лап своих волков. Следы вели к серой дуге подножий холмов. Вершина Горы-Предка тонула в низких облаках.

Чужаки ждали их, и Гарад был этому рад.

Их оказалось всего семнадцать. Они стояли шеренгой, прямые и безмолвные. Доспехи и оружие Северных Волков свидетельствовали об их северном происхождении, а снаряжение чужаков представляло странную смесь из разных стилей: вареной кожи, меха, металлических пластин. Оружие у них было столь же разнообразное.

Но не это заставило резко остановиться некоторых членов клана. Гарад понял, что они остановились, когда увидели, что броня врагов, руки и лица – все покрыто темными, высохшими, зловонными отпечатками окровавленных ладоней.

Один такой орк, самый крупный и устрашающий на вид, стоял в центре, на несколько шагов впереди остальных. Гарад предположил, что это вождь пришельцев. Его обритую голову не покрывал шлем.

Гарад с презрением смотрел на него. Эти Красные Ходоки, если перед ними и впрямь они, не смогут долго выживать на севере. Здесь воины берегут волосы и закрывают голову. Оргрим был единственным Северным Волком, который взбунтовался против обычая. Волосы и шлемы помогали сохранить тепло, а также голову их владельца на плечах. Сейчас Гарад снесет эту лысую голову и увидит, как она упадет на снег, растопив его горячей кровью.

Недавно Гейя настаивала, чтобы вождь не принимал участия в бою; она почти умоляла его. Никогда прежде она не вела себя так, и ее страх встревожил Гарада больше, чем собственная болезнь. Жена была самой отважной из всех известных ему орков, и сейчас вождь понял, что был ее единственной слабостью. Они так давно женаты, что Гарад не мог даже представить себе, что она не бросится в бой рядом с ним. Но такой момент наступил, и он понимал,

почему Гейя решила остаться в селении.

Эта изнурительная болезнь не к лицу орку, и она пройдет. Он не позволит ей одолеть себя.

Он не станет обрекать свою Гейю на необходимость мчаться в бой без него.

Гарад издал тихое горловое рычание, собрав все свои силы и направив их на выполнение двух задач – поднять Секач и открыть рот, чтобы издать боевой клич.

Его крик почти сразу же подхватили другие Северные Волки. С двух сторон от него скакали его сын и Оргрим, и, как уже было много раз (только сейчас с ними не было Гейи), вождь и молодые орки бросились вперед в едином, внушающем ужас строю. Их волки почти соприкасались боками, но потом они разделились, и каждый устремился к своей цели.

Гарад взял на себя вожака. Глядя на него, тот улыбнулся и кивнул. Топор в его руке блестел от чего-то липкого – вероятно, от древесного сока. Несомненно, этот непочтительный орк раньше рубил им ветки деревьев. Гарад решил использовать охвативший его гнев как источник энергии и почувствовал, как у него прибавилось сил. Да, то была самая настоящая энергия, пусть и рожденная жаждой крови.

Лысый орк издал крик и бросился к Гараду. Толстые ноги несли его вперед со всей быстротой, какую допускал снег. Но пеший орк не мог соперничать с сидящим верхом на волке, и Гарад с усмешкой налетел на врага.

Лед тоже готов был сражаться. Его пасть открылась, красный язык вывалился из-за острых белых зубов. Гарад обеими руками поднял Секач, выжидая момент, когда можно будет наклониться и отрубить голову врага одним ударом.

Но в этот момент орк крикнул:

– Мак’гора!

Гарад резко откинулся назад, и Лед неловко свернул в сторону. Гарад никогда прежде не слышал, чтобы орк потребовал мак’гору в разгар боя. Красных Ходоков наверняка ждало поражение. Просить, чтобы исход боя решил поединок, было чистой трусостью. Если бы Северные Волки были так малочисленны, они бы все равно сражались до конца против превосходящего числом противника. Они бы никогда не попытались изменить исход боя, сведя его к поединку!

Отвращение Гарада к Красным Ходокам усилилось, но одновременно в глубине его души промелькнула тревога. Будь вождь в своем обычном состоянии, он бы ни в чем не уступил этому южанину, но сейчас руки и ноги Гарада уже грозили предать его. Он не был уверен, что у него хватит сил.

Но как он мог сделать вид, будто не слышал вызова? Если другие его слышали и увидят, что вождь не принял вызова на поединок, позор падет на голову Гарада, а не чужака. Его враг заметил нерешительность на лице Гарада, и его губы изогнулись над клыками в жестокой ухмылке.

Гарад не мог вынести такого оскорбления. Он спрыгнул с волка. Слегка споткнулся, но быстро пришел в себя, собрав для этого всю свою волю. «Ты сильный, – сказал он себе. – Ты вождь, а это чепуха. Ты победишь этого противника, и твои Северные Волки уничтожат Красных Ходоков».

– Я принимаю вызов! – зарычал он и бросился в атаку.

Перепачканный соком деревьев топор лысого орка столкнулся с мощным Секачом, словно он бы всего лишь детской игрушкой для тренировок, и с поразительной легкостью отбил удар. Гарад опомнился и крепко сжал топор, стараясь не упасть. Потеря равновесия грозила гибелью.

Теперь уже Красный Ходок пошел в атаку, и Гарад застонал от усилия, которое потребовалось ему только для того, чтобы поднять Секач и парировать смертоносные удары. Больше он ничего не мог сделать; в его руках и ногах, во всем его теле не осталось сил для нападения. Слишком поздно он осознал, что сделал ошибку, согласившись на этот поединок. Вождя охватили горе и ярость, придавшие ему сил, которых хватило, чтобы поднять огромный топор и опустить его, нанеся сокрушительный горизонтальный удар.

Но чужого орка уже не оказалось на прежнем месте. Он отскочил в сторону и теперь открыто насмехался над усилиями Гарада. Остальные Северные Волки явно побеждали в бою. Красные Ходоки хорошо сражались, но они увязли в снегу, и численный перевес был на стороне противников. Лысый орк оглянулся, криво усмехаясь.

– Лучше я закончу это быстро, – сказал он. – Ведь только мы с тобой знаем, что это мак’гора.

Он поднял свой топор. Гарад застонал от гнева и попытался, в свою очередь, поднять Секач. Вождь беспомощно смотрел, как задрожали его руки, когда он приподнял топор всего на несколько дюймов, а потом оружие выпало из его слабых пальцев.

Все равно. «Пусть будет так, – подумал Гарад. – Я умру в честном…»

И внезапно он понял. Противник Гарада знал, что победить вождя будет легко.

Нож! Клинок Гул’дана…

Все внутри у него заледенело от этого ужасного понимания.

А потом топор Красного Ходока опустился.

6

Северный волк не нуждался в другом всаднике, кроме мертвого тела своего хозяина. Огромный зверь жалобно взвыл, когда упал Гарад, и бросился вперед, на его убийцу, который погиб быстрой и кровавой смертью. Теперь Лед стоял, весь дрожа, пока Дуротан привязывал тело отца к сильной спине волка. Глаза орка и волка встретились, и Дуротан увидел в больших янтарных очах волка отражение своего собственного горя. Большинство орочьих кланов считали, что волки, на которых они ездили, всего лишь звери – ездовые животные, и ничего больше. Менее ценные, в некоторых случаях, чем боевое оружие, – волки умирают, их нельзя передать по наследству своим детям.

Северные Волки никогда так не считали. У них волки выбирали себе хозяев, а не наоборот, и оставались с ними до тех пор, пока эти узы не разрывала смерть. Лед будет горевать не так, как горевал бы орк, но его горе все равно будет настоящим. Дуротан гадал, позволит ли Лед когда-нибудь сесть на свою спину кому-то другому. От сострадания к огромному зверю и к матери, которой только предстояло узнать душераздирающую новость, сердце Дуротана сжималось. Он позволил себе всего одно мгновение, чтобы прочувствовать потерю: «Отец. Друг. Учитель. Вождь».

Жизнь у Хребта Ледяного Огня была трудной и с течением времени становилась все труднее. Нет ничего неестественного в том, что отец покидает этот мир раньше своего ребенка. Но тяжелее всего было смириться с тем, как именно умер Гарад. Отец был мудрым, сильным, успешным предводителем своего народа много лет. Он не заслуживал такого позорного конца.

Дуротан и многие другие стали свидетелями того, что Гарад погиб из-за того, что не смог удержать в руке Секач.

Теперь Дуротан стал предводителем Северных Волков – по крайней мере, в данный момент, – и все они смотрели на него. Когда он убедился, что привязи, удерживавшие отца на волке, надежны и выдержат обратный путь к Хребту Ледяного Огня, он отвернулся ото Льда и оглядел отряд.

– Сегодня мы выехали, чтобы ответить на вызов, – сказал он. – И мы на него ответили. Мы победили. Наши враги лежат и остывают на снегу, и мы устранили угрозу нашему клану. Но эта победа дорого нам досталась. Мы потеряли Гарада, сына Дуркоша, сына Рокука – вождя нашего клана. Он умер так, как он и любой Северный Волк пожелал бы сам: в бою, отважно защищая свой клан от явного врага.

Он помолчал, раздувая ноздри, готовый подавить любое возражение, любое противоположное утверждение. Но все молчали, хотя снег тихонько заскрипел, когда некоторые орки смущенно переступили с ноги на ногу, избегая смотреть на Дуротана.

– Мы отвезем его домой в молчании. Как его сын, я – его наследник, если Духи не сочтут меня недостойным. – «Или кто-нибудь не бросит мне вызов», – подумал он, но не произнес это вслух. Дуротан не мог ничего поделать, если эта мысль

уже пришла кому-нибудь в голову, но не хотел сам посеять это семя.

Однако тень сомнения никуда не ушла. Гарад пал в неудачный момент, и это было плохим предзнаменованием для Дуротана – и для Северных Волков.

Решимость вытеснила горе. Когда Дуротан вскочил на Острозуба, среди всего этого хаоса и движения, молодой вождь знал одно: он сделает все, что в его силах, чтобы почтить память великого орка и обелить его имя.

Гарад долго пробыл вождем, и поэтому немногие из присутствующих видели ритуал, который должен был сейчас начаться. Все члены клана Северного Волка, от самого седого орка до самого крохотного сосунка, пришли к особому кругу, который велел обозначить Дрек’Тар. Он находился недалеко от селения, но на некотором расстоянии от него, на открытом участке, достаточно просторном, чтобы все могли стать свидетелями происходящего. Дуротан с болью осознал, что, хотя сейчас на этом месте должно произойти горестное событие, здесь же клан устроит танцы в честь Дня летнего солнцестояния.

Тело Гарада положили на погребальный костер. На него ушло большинство дров, собранных кланом. Дуротан с горькой иронией размышлял о том, что именно поиски дров стали причиной необходимости этого костра.

Все это казалось таким неправильным. Четыре дня назад они даже не слыхали о зеленом орке по имени Гул’дан. Еще сегодня утром Гарад еще дышал, а клан пребывал в блаженном неведении об ужасной угрозе Красных Ходоков. Дуротан спрашивал себя, сможет ли он когда-нибудь изгнать из ноздрей вонь засохшей крови.

Тело Гарада обмыли, но в его грудной клетке по-прежнему зияла дыра. Подобно шрамам на живом теле, раны убитых были почетными для них. Если орк погибал в схватке – в бою или на охоте, – повреждения, унесшие его жизнь, выставляли на всеобщее обозрение, чтобы все в клане видели, что он пострадал ради благополучия клана. Гарада одели в доспехи, в которых он погиб, поврежденные ударами, лишившими его жизни. Юному орку больно было видеть неподвижные руки и ноги отца.

Более молодые шаманы, прислуживающие Дрек’Тару, выкладывали камни вокруг погребального костра, оставляя проход для Дуротана. Камни держали в руках, пели над ними и только потом выкладывали, с большим почтением. Дуротан чувствовал: энергия по мере того, как члены клана приходили и молча садились возле очерченного круга, энергия вокруг них нарастала с каждым мигом.

Наконец круг был почти завершен. До этого Дрек’Тар тихо стоял в стороне, положив руку на шею Мудроуха. Теперь волк вошел в круг из освященных камней и ввел в него хозяина. Дрек’Тар отпустил волка, что-то тихо сказав ему и погладив, а затем выпрямился.

– Северные Волки! – крикнул он. – Мы знаем, что за наш образ жизни стоит сражаться, и сегодня наши воины это сделали. Большинство вернулось с победой, но одного уже не будет с нами в этой жизни. Любого павшего воина мы бы оплакивали и воздавали бы ему почести за его жертву. Мы сделаем так и сегодня, но собрались мы не только для этого. Орк, который пал сегодня, это Гарад, сын Дуркоша, сына Рокука. Наш вождь. И поэтому мы должны просить благословения Духов Земли, Воздуха, Воды, Огня и Жизни для его сына, Дуротана, чтобы он мог руководить нами так же хорошо и мудро, как его отец.

Почти никто не роптал – ритуал прощания был слишком важным для подобного проявления неуважения. Однако некоторые зашевелились, отводя взгляд, и в Дуротане пробудился гнев. Он проигнорировал его, не отрывая взгляда от Дрек’Тара и ожидая сигнала войти в круг.

Но первой шаман вызвал мать Дуротана. Голос его звучал мягко, когда он произнес:

– Гейя, дочь Зунгала, сына Керзуга. Ты была спутницей жизни Гарада. Рука той, которая любила его больше всех, должна зажечь огонь.

Обычно заплетенные в косы, длинные волосы Гейи ныне свободно ниспадали почти до самой талии. Шагая вперед, она была прямой, как сосна. Только Дуротан, который хорошо знал мать, видел в ее глазах блеск непролитых слез. Позже она заплачет, они оба заплачут, оставшись наедине со своей болью, но сейчас, когда покров горечи омрачил память о любимом муже и отце, им необходимо было олицетворять силу.

«Если Духи думают так же, как некоторые члены клана…»

Нет. Он не уделит таким мыслям внимания даже на долю секунды. Гарад был великим вождем орков. Дуротан знал, что сам он ничего не сделал, чтобы опозорить свою семью, свой клан или Духов. Все будет хорошо.

Должно быть хорошо.

Его ладони сжались в кулаки.

– Дуротан, сын Гарада, сына Дуркоша. Выйди в круг. Предстань перед судом Духов, которых наш народ почитал с начала времен и которые будут существовать даже тогда, когда нас забудут и никто не будет больше воспевать наши имена.

Краем глаза Дуротан заметил, что Оргрим напряженно смотрит на него. Орк медленно, демонстративно, приложил кулак к своей широкой груди и вздернул подбородок в знак уважения. Через несколько мгновений его примеру последовало несколько других орков, потом еще, и к тому моменту, когда молодые шаманы замкнули круг священными камнями, весь клан салютовал сыну Гарада. Дуротан бросил на Оргрима благодарный взгляд, а потом приготовился к тому, что будет дальше.

Дрек’Тар ничего не рассказал ему об этом, заявив, вполне логично, что, так как с ним никогда ничего подобного не происходило, он не смог бы правильно все объяснить.

– И я подозреваю, что для каждого все происходит по-своему, – прибавил он. Дуротан знал точно одно: когда Духи будут его оценивать, они одновременно будут поддерживать связь с Дрек’Таром.

Дрек’Тар держал в руках пучок дымного листа. Высушенные и туго сплетенные стебли этой травы издавали при горении сладкий аромат. Сейчас они не горели, а медленно тлели, и дым тонкими струйками поднимался вверх. Дуротан подошел к шаману и опустился перед ним на колени, а тот, держа в одной руке длинные стебли травы, взмахами другой руки стал гнать дым на Дуротана.

От травы шел приятный запах – чистый и свежий. Дрек’Тар отдал дымный лист Палкару, своему помощнику-шаману. Третий шаман, Релкарг, протянул Дуротану чашу, и тот осушил ее. Жидкость была горячей и густой, сладкой от сока, который источали деревья. Он вернул пустую чашу Релкаргу и ждал новых указаний.

– Теперь садись, юноша, – велел Дрек’Тар. Его голос был полон любви. Они с Гарадом были очень близки, и шаман, конечно, тоже не знал, как справиться с внезапно образовавшейся пустотой. – Духи придут, когда пожелают.

Дуротан повиновался. Теперь он почувствовал, как у него тяжелеют веки. Он позволил им сомкнуться.

Потом его глаза резко открылись.

За прошедшие годы Дуротану доводилось видеть, как зимнее ночное небо переливается, разноцветными, будто состоящими из тумана волнами. Появившиеся перед ним видения, пронизанные таким же спокойствием, напоминали эту утонченную небесную игру света примерно так же, как молодое деревце похоже на старое дерево. Дуротан ахнул в изумлении и потянулся, не задумываясь, как ребенок, к этим фантомам.

Зеленые, красные, синие и желтые, они плясали перед ним, но он понимал, что в реальности их не существует. Они существовали у него в воображении, его ушах и глазах, в крови и костях. Они метались и парили, такие реальные, но он понимал, что все это существует только для него одного.

В его видении снег под ним испарился, а пляшущие цвета потускнели и растаяли вместе с ним. Дуротан сидел на доброй, прочной земле, и чувствовал поддержку и опору, словно младенец на руках у матери. Изумляясь, он положил ладони на землю и глубоко зарылся в нее пальцами. И поднял к глазам полные горсти жирной почвы.

Дуротан улыбнулся, потом удивленно и безудержно рассмеялся, когда неизвестно откуда прилетел влажный ветерок и разметал эти пригоршни земли. Легкий ветерок, наполненный ароматом свежей молодой травы, ласкал его. Он почувствовал, как его сжатые легкие расправились, когда он сделал вдох.

Воздух закружился и заиграл разными красками. Не теми мягкими, призрачными оттенками, которые плясали у него перед глазами чуть раньше, – они стали яркими, сильными цветами: Дуротан видел резкие всплески красного, оранжевого, белого и синего, и вокруг них внезапно затрещал огонь. Его лицо успело онеметь от холода, и Дуротан обрадовался теплу языков пламени. Ни один Северный Волк не мог выжить без огня. Он был им дорог, и Дух Огня это знал.

Что-то мокрое коснулось его щеки. Пушистые, белые хлопья слетали вниз, и пламя шипело и фыркало на них. Хоть Дуротан и тосковал по теплу огня, он рад был позволить ему уступить место Духу Воды. Ведь что такое Северные Волки без севера? Именно лед и снег отчасти делали их уникальными – делали их сильными. Вода смывала грязь и очищала. Она утоляла жажду и даже наполняла глаза орка, стекая по его лицу, как это происходило сейчас. Вода успокаивала и исцеляла, и Дуротан принял ее доброту в этом обличье, как принимал ее резкость в обличьях иных.

Переливающиеся цвета, реально-нереальные, закружились, гоняясь друг за другом, как щенок гоняется за своим хвостом, с такой скоростью, что начали расплываться. Ослепительный белый сверкнул перед Дуротаном, такой яркий и прекрасный, что он не мог заставить себя смотреть на него. Земля, Воздух, Огонь, Вода – они все пришли и теперь приветствовали величайшего из всех – Духа Жизни.

Молодой орк ничего не чувствовал с момента гибели отца. С того момента, когда он увидел, не успевая вовремя подбежать к Гараду, как вождь Северных Волков умер безоружным, Дуротан подавлял в себе чувства, чтобы казаться сильным в глазах клана, но сейчас он больше мог этого сделать. Его чувства были до боли обострены. Сердце переполняли любовь и мука, и орку казалось, что он этого не вынесет. Как может одинокое существо…

– Но ты не одинок, – раздался в его голове шепот. – Ты проживаешь жизнь со всеми ее радостями и страхами, ужасами и потерями, блаженством и могуществом. Ты хочешь стать вождем своего народа – удержи это все, всего на мгновение, и ты будешь достойным его. Твой народ боится и жаждет, смеется и плачет, он живет – пойми это, Дуротан, сын Гарада. Пойми это и уважай это!

Дуротан почувствовал, как его растягивают, придают другую форму, отливают заново, чтобы он вместил в себя больше, чем когда-либо раньше. Он был всего

лишь одним из орков, но что такое вождь, как не опекун своего народа? И как он может действовать ради их блага, если не почувствует их по-настоящему? Дрожа от страха, Дуротан принял это испытание Жизни. Он был переполнен до краев и даже больше, он стал таким огромным, что…

А затем все прошло.

Они все исчезли.

Он открыл глаза и увидел мир, который показался ему странно плоским и лишенным цвета. Его сердце сильно стучало в груди, легкие вздымались, но Дуротан снова стал самим собой и снова был один. На мгновение это одиночество стало для него почти непосильным грузом, его было так же трудно выносить, как раньше – переполненность кланом, но в конце концов это ощущение тоже прошло.

Взгляд его сфокусировался. Он увидел мать, стоящую возле погребального костра отца, губы ее изогнулись в легкой улыбке. Ее глаза уже не были мокрыми от горя, они блестели от гордости. Дуротан, у которого кружилась голова после того, как Духи покинули его, вглядывался в лица, знакомые, как его собственное отражение в луже воды, но теперь также чужие, новые своей неожиданно драгоценной красотой, трепетной сущностью жизни.

Северные Волки следовали за его отцом. Теперь они будут следовать за ним. Он будет делать то, что для них лучше всего, как всегда стремился поступать Гарад. Дуротан попытался заговорить, но его сердце так переполняла буря эмоций, что он не мог найти нужные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kristi-golden/varkraft-durotan-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити